

В. Г. Вовина-Лебедева
ЦАРЬ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННИКОВ И ПОТОМКОВ
(XVII–XXI ВВ.)

И. Е. Забелин, замечательный знаток и исследователь бытовой культуры Московской Руси, писал, что занятия древностями подобны путешествиям в угасший мир, где все застыло, перепуталось, утратило запах жизни¹. Если так, ученый — кто-то вроде мага: он оживляет застывшие фигуры, пытается вдохнуть в них жизнь.

Но чем далее от нас эпоха, тем более она чужда нам. Мы плохо понимаем средневековье, в том числе русское. Люди, которые населяли Московскую Русь, были во многом такими же, как и мы, и это создает иллюзию близости. Например, они были христианами, а современная цивилизация вырастала именно на христианской морали. Но у людей XVII в. была совершенно другая, чем у нас, картина мира, иные представления о правильном и неправильном, о целесообразности тех или иных действий, о долге и своем жизненном предназначении. К тому же московское общество было разделено на относительно замкнутые социальные группы и «чины», и в каждом были свои особенности. Нужно признаться, что если бы мы оказались в том времени с нашими жизненными представлениями, мы мало бы что в нем поняли.

Есть, однако, эмоциональное восприятие — память детства, память первых впечатлений о книгах, прочитанных нам вслух, о картинках, которые мы когда-то жадно разглядывали. И, наверное, для большинства из нас это — русские народные сказки. Больше всего повезло тем, кто в детстве рассматривал сказки с чудесными иллюстрациями И. Я. Билибина. Это и «Царевна-лягушка», и «Василиса Прекрасная», и «Белая уточка», «Сестрица Алешка

¹ Забелин И. Е. Опыты изучения русских древностей и истории. Ч. 1–2. М., 1872–1873.

и братец Иванушка», «Марья Моревна», «Перышко Финиста, ясна сокола». Не создано еще лучшего художественного образа сказочного «некоторого царства, некоторого государства», чем тот, что придумал Билибин.

Но что же это за царство? И. Я. Билибин начал работать с книжными иллюстрациями в конце XIX — начале XX в., то есть в то время, когда символом «русского царства» была эпоха царя Алексея Михайловича. И не случайно, что все герои билибинского волшебного мира одеты в одежды людей XVII в. — и Иван-царевич, и купцы, и цари, и девица-красавицы, и мамки-няньки. Можно сказать, что даже в советские времена, да и сейчас сохранилась такая традиция в книжной иллюстрации — почти всегда изображать героев русских сказок одетыми в наряды именно XVII в., даже «Лису Патрикеевну».

Модой на эпоху Алексея Михайловича бы захвачен и двор Александра III, и в особенности его сына — последнего русского императора Николая II. Недаром своего наследника он назвал Алексеем.

В Петербурге устраивались знаменитые «русские балы», на которых приглашенные и члены царской семьи были одеты в наряды середины XVII в. После знаменитого костюмированного бала 1903 г. участники были запечатлены известными фотографами. И эти фотографии вполне могут быть использованы как иллюстрации к русским сказкам. Самыми знаменитыми стали сохранившиеся фотографии императора и императрицы с этого бала. В реконструированной одежде XVII в. они выглядят совершенно как царь Алексей Михайлович и царица Мария Ильинична Милославская.

Именно правление царя Алексея Михайловича представлялось Николаю II образцом справедливого правления, слияния царя и народа, мирным и благостным, «немягтежным» царствием. Не потому ли, в частности, последний император так упрямо держался за неограниченность монархии, что считал невозможным изменить исторически сложившуюся форму правления? И дело тут не только в личном пристрастии. И до Николая II эпоха Алексея Михайловича уже представлялась многим любителям русской старины неким эталоном истинной «русскости». Знаменитые славянофилы рядились именно в костюмы его эпохи и идеализировали земские соборы того времени как образ «мнения народного». И. Е. Забелин, с упоминания о котором началась эта статья, уже в середине девятнадцатого столетия открыл перед изумленными современниками ранее почти неизвестный им мир их собственного старого московского «домашнего быта» допетровского времени, тоже в основном — времени

Алексея Михайловича². И вот постепенно Московская Русь стала ассоциироваться, прежде всего, с царем Алексеем, вторым из династии Романовых.

Конечно, восприятие царя его современниками было иным. Для средневекового сознания, прежде всего, это был не просто человек, а помазаннык Божий, государь. Поэтому в современных ему летописцах, в челобитных на его имя, а также в деловых бумагах истинного человеческого отношения увидеть нельзя. Но оно видно в текстах, принадлежащих самому царю Алексею Михайловичу, в его собственных письмах и ему адресованных посланиях, в реакции на его подарки свергнутого Никона, в пророчествах старообрядцев. Самая негативная оценка царя исходит, конечно, из лагеря староверов. Но и тут есть некоторые особенности. «Повесть о боярыне Морозовой» прямо обвиняет царя Алексея Михайловича в гонениях на противников новых обрядов. Почти такое же жесткое отношения мы видим и в посланиях дьякона Федора. Однако отношение к царю протопопа Аввакума — уже иное, и это запечатлено в его посланиях.

В восемнадцатом веке предыдущее столетие было не в фаворе, внимание историков привлекали фигуры более отдаленного времени. Потом властителем умов своего поколения стал Н. М. Карамзин. Он был скорее беллетристом, чем историком, и считал своей задачей оживить прошлое как театральное представление, дать, прежде всего, моральные характеристики своим героям, оценить их поступки с точки зрения морали и эстетики эпохи классицизма. И с этого ракурса его больше привлекал, например, Иван Грозный, фигура которого давала возможность осудить тирана с той страстью, с какой это делали историки Рима. В своем повествовании до первых Романовых Н. М. Карамзин так и не дошел, упомянув о них лишь в своей знаменитой «Записке о древней и новой России». Но рискнем предположить, что и Алексей Михайлович, и его отец не самым лучшим образом подходили бы в качестве героев карамзинского исторического театра — персонажи без особых пороков и выдающихся достоинств, они выглядели скорее как некий фон, на котором вдруг появляется грандиозная фигура Петра.

В первой половине девятнадцатого столетия царем Алексеем еще интересовались мало. Можно упомянуть, пожалуй, лишь

² После ряда статей в московских журналах в 1862 и 1869 гг. появились два фундаментальных тома «Домашнего быта русских царей в XVI–XVII веках» и «Домашнего быта русских цариц в XVI–XVII веках», которые потом неоднократно переиздавались.

работу В. Н. Берха³. Автор не был профессиональным историком, служил моряком, в начале девятнадцатого столетия был участником кругосветного плавания под командованием адмирала Ю. Ф. Лисянского, затем вышел в отставку, занялся историей разных путешествий и географических открытий, стал официальным историографом русского флота, и уже вдобавок к этому публиковал биографии царей и военачальников. Не удивительно, что работа его описательна, состоит из перечислений исторических событий эпохи Алексея Михайловича. Все русские цари охарактеризованы Берхом исключительно как мудрые и благочестивые правители. Однако значение книги в том, что это — первая специальная работа об Алексее Михайловиче, и в ней был собран значительный корпус фактов, извлеченных из опубликованных актов и других документов, а также летописей и свидетельств иностранцев.

Жизнеописания царя Алексея Михайловича заполнили страницы журналов второй половины XIX в. Настоящий вал публикаций начался с книги профессора Дерптского университета П. Е. Медовикова⁴. Автор был, в отличие от В. Н. Берха, хорошо подготовленным историком, хотя не русистом, и к теме русского семнадцатого века обратился после того, как первоначально специализировался на византистике⁵.

Вслед за этим профессиональным исследованием появились многочисленные популярные очерки для широкого читателя, поток которых особенно усилился в начале XX в., когда собирались торжественно праздновать 300-летие правящей династии⁶. В популярных исторических изданиях ставилась цель прославить монархию, ее представителей и их окружение.

³ Берх В.Н. Царствование царя Алексея Михайловича. СПб., 1831. Ч. 1.

⁴ Медовиков П.Е. Историческое значение царствования Алексея Михайловича. М., 1854. С. 51–62, 211–252.

⁵ За пять лет до книги об Алексее Михайловиче он опубликовал исследование по весьма специальной теме о латинских императорах в Константинополе. См.: Медовиков П.Е. Латинские императоры в Константинополе и их отношения к независимым владельцам греческим и туземному населению вообще. М., 1849.

⁶ См., напр.: Колбасин Е.Л. Царь Федор Алексеевич // Библиотека для чтения. 1857. Кн. 4. С. 199–262; Хмыров М.Д. Царь Алексей Михайлович и его время. 1629–1675. Нравоописательный очерк // Древняя и Новая Россия. Т. III. 1875. № 9. С. 25–40; № 10. С. 10. С. 100–116; № 11. С. 196–211; № 12. С. 300–315; Федоров Н. Тишайший царь Алексей Михайлович. СПб., 1913. С. 5–14, 28–40; Катаев И. Царь Алексей Михайлович и его время. 2-е изд. М., 1915 (Из серии: Очерки по русской истории для школ и народного чтения. Под ред. А. А. Кизеветтера и М. В. Довнар-Запольского. С. 1–33, 68–79).

Не осталась в стороне от темы и серьезная историческая наука, прежде всего, университетская. О царе Алексее Михайловиче писали все крупные историки — авторы общих курсов истории России. Прежде всего, нужно упомянуть С. М. Соловьева и В. О. Ключевского. Для них царь и его образ были неразрывны с общей оценкой эпохи, восприятием русского семнадцатого века⁷.

Во всех публикациях девятнадцатого века образ царя Алексея оказывался крайне привлекательным, часто благостным. Царь Алексей для человека девятнадцатого века выглядел одним из наиболее симпатичных героев русской старины. Этому есть ряд объяснений. Во-первых, он долго правил, значит, на его царствие пришлось много событий. Долго правил, правда, и Иван Грозный, но по сравнению с ним царь Алексей выглядел добрым и человечным. К тому же Алексей Михайлович, с точки зрения XIX века, жил относительно (!) недавно, если сравнивать, например, с первыми московскими князьями. Последним трудно было претендовать на роль настоящих героев русской истории, в том числе самым знаменитым из них, таким как, например, Дмитрий Донской. Они скорее были тенями, лишенными индивидуальных черт, даже Н. М. Карамзину не удалось их «очеловечить». А от первых царей новой династии Романовых сохранились не только личные письма, описания царских выходов и столов, роспись кушаний и лекарств, но и реальные вещи: одежда, мебель, предметы быта.

Отец Алексея Михайловича, царь Михаил Федорович, выглядел слишком слабым и физически болезненным, да еще зависимым то от матери, то от властного отца. Царь же Алексей являл собой чуть ли не первую возможность увидеть становление личности человека русского средневековья во всей ее полноте: раннее сиротство, неудача с первой выбранной невестой, зависимость от дядьки-воспитателя, скоро оборвавшаяся московским бунтом, увлечение новым героем — патриархом, а затем разочарование и в нем, личное участие в войне (как тут не вспомнить пушкинское «царь с царицею простился, в путь дорогу снарядился...»), снова

⁷ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 10–12; Ключевский В. О. Курс русской истории. Часть 3. Лекции XLVI, XLVII, XLVIII, L, LII, LII, LIII, LIV, LV, LVI; Иконников В. С. Близкий боярин Афанасий Ордин-Нащокин // Русская старина. 1883. Октябрь; Иловайский Д. И. История России. Том. 5. Алексей Михайлович и его ближайшие преемники. М., 1905. См. также посвященный первым Романовым том бесчисленно раз издававшегося труда Н. И. Костомарова (первое изд.: Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Отд. 1. Вып. 3. СПб., 1874).

бунты и их подавление, вдовство, женитьба по любви на молодой воспитаннице своего ближнего боярина («долго царь был неутешен, но как быть? и он был грешен»), новая придворная культура, первые театральные представления, барокко, многоголосные хоры певчих взамен традиционного русского церковного одноголосия, наконец, смерть в окружении многочисленных детей и именно тогда, когда был, наконец, подавлен самый долгий бунт и рубили головы непокорным монахам Соловецкого монастыря.

Таким образом, Алексей Михайлович стал для читателя первым настоящим, полнокровным человеком русского средневековья, и не злодеем, как Иван Грозный (о личности которого тоже можно многое сказать по его письмам), а нормальным человеком: заботился о многочисленной семье, оборонял страну, удачно расширил ее пределы («и соседям то и дело наносил обиды смело»), по-настоящему был богомольным (в отличие от Ивана Грозного, который издевательски объявил себя в Александровой слободе «игуменом» и при этом лично пытал своих подданных). Царь Алексей Михайлович соблюдал меру и не был фанатиком, а, наоборот — вполне жизнелюбом, увлеченным охотником, человеком русским, но готовым заимствовать с Запада полезные изобретения, например газету (опять по-пушкински: «Ладно за морем, иль худо? И какое в свете чудо?»).

В общем, это оказался настоящий сказочный «царь-государь», «батюшка-царь» вроде царя Салтана или других безымянных царей русских народных сказок. Что же удивляться, что именно он в сознании общества воплотил в себе всех «московских царей», при которых расцвела «Москва белокаменная», как тот чудный град на острове, где «блещут маковки церквей и святых монастырей»?! Кстати, частые обращения к Пушкину у нас тоже не случайны. Ведь Пушкин был человеком девятнадцатого века, одним из тех, у кого читатели искали и находили образ сказочного царя, к которому потом невольно «подлаживали» Алексея Михайловича.

В каком-то смысле наиболее полным воплощением такого образа царя Алексея Михайловича стала брошюра С. Ф. Платонова «Царь Алексей Михайлович», выпущенная к юбилею династии Романовых⁸. С. Ф. Платонов был лидером петербургской исторической школы, прекрасно знал русские средневековые источники.

⁸ Платонов С.Ф. Царь Алексей Михайлович. СПб., 1913. См. также статью его ученика А. Е. Преснякова: Пресняков А. Е. Царь Алексей Михайлович. Общая характеристика // Российские самодержцы. М., 1990. С. 59–84.

Но эпохой Алексея Михайловича он как исследователь специально не занимался. Однако, возможно, именно поэтому он, рисуя крупными мазками, создал в своей работе эмоциональный и теплый образ своего героя, обращая внимание на его личные черты, проявившиеся в сохранившейся переписке.

В работах серьезных историков ставилась цель исследовать сохранившиеся источники и на их основе осуществить реконструкцию прошлого. Лучшими специальными работами, посвященными царю Алексею Михайловичу в девятнадцатом веке, стали исследования, написанные на основе многочисленных источников, особенно материалов приказного делопроизводства, в частности приказа Тайных дел, Дворцовых разрядов и других документов, которые тогда стали постепенно становиться доступными читателям. Речь идет о работах С. А. Белокурова, И. Я. Гурлянда, А. И. Заозерского⁹.

Другая важная тема, хорошо проработанная в это время, — история церкви при Алексее Михайловиче. В девятнадцатом столетии были опубликованы многие важные источники по истории церковного раскола¹⁰. Профессор Московской духовной академии Н. И. Субботин подготовил к изданию многотомные «Материалы для истории раскола за первое время его существования»¹¹. Из исследований нужно выделить не потерявшие научного значения работы Н. Ф. Каптерева¹².

Однако наступил новый век, двадцатый, который, как известно, в России начался то ли в 1914-м, то ли в 1917 г. И цари уже не могли претендовать на роль исторических героев. Героем стал народ. И тут оказалось, что с народом у царя Алексея Михайловича не все обстояло хорошо. Семнадцатым веком в веке двадцатом занимались много, гораздо больше, чем в предыдущем столетии.

⁹ Белокуров С.А. Из духовной жизни Московского общества XVII в. М., 1903; Дневальные записки приказа Тайных дел 7165–7183. Изд. С. А. Белокурова // ЧОИДР. 1908. Кн. 1. Материалы исторические. С. 1–31; Гурлянд И.Я. Приказ Великого государя Тайных дел. Ярославль, 1902; Заозерский А.И. Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве. Петроград, 1917.

¹⁰ Дело о патриархе Никоне. Издание Археографической комиссии по документам Московской Синодальной (бывшей Патриаршей) Библиотеки. СПб., 1897.

¹¹ Материалы для истории раскола за первое время его существования. Т. 1–9. М., 1875–1895.

¹² Каптерев Н.Ф. 1) Иерусалимский патриарх Досифей в сношениях с русским правительством (1669–1707). М., 1891; 2) Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. М., 1887; 3) Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. В 2-х т. Сергиев Посад, 1909–1912; 4) Царь и церковные московские соборы XVI и XVII столетий. Сергиев Посад, 1906.

Именно двадцатый век по-настоящему раскрыл читателям богатства Российского государственного архива древних актов, в котором хранятся государственные документы за весь XVII в., в особенности за период после московского пожара 1626 г. Дело в том, что от этого времени сохранилось на порядок больше источников, и источников массовых, чем от всего предшествующего времени. В центре исследований оказалась история зависимого населения: крестьян, холопов и посадских людей, в особенности истории крестьянского закрепощения и народных бунтов¹³. Эпоха Алексея Михайловича предлагала в качестве главных тем Соборное уложение 1649 г. с его нормой о ликвидации урочных лет (было неоднократно опубликовано, в том числе подготовлена академическая публикация¹⁴, а также осуществлялись источниковедческие исследования этого памятника, например, А. Г. Маньковым¹⁵), практику государственного сыска крепостных крестьян¹⁶, казачий бунт Степана Разина, который стал именоваться крестьянской войной¹⁷, городские восстания в Москве, Пскове, Новгороде¹⁸. Активно исследовались и издавались документы и материалы государственных описаний времен Алексея Михайловича, такие как писцовые и переписные, вотчинные книги, приходо-расходные книги и описи имущества русских монастырей, материалы Холопьего приказа. Из классиков, занимавшихся исследованием и изданием этих документов эпохи царя Алексея Михайловича, можно назвать имена А. И. Яковleva,

¹³ О политической и социальной истории начала царствования Алексея Михайловича подробно говорится в работах С. В. Бахрушина и П. П. Смирнова: *Бахрушин С. В. Московское восстание 1648 г.* // Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1954. Т. II; *Смирнов П. П. 1) Правительство Б. И. Морозова и восстание в Москве 1648 г.* // Труды Среднеазиатского государственного университета. Серия III-а. История. Вып. 2. Ташкент, 1929; 2) *Посадские люди и классовая борьба до середины 17 века.* Т. I. М.; Л., 1947.

¹⁴ Соборное уложение 1649 года. Текст и комментарии. Подг. текста Л. И. Ивицкой. Под рук. А. Г. Манькова. Л., 1987.

¹⁵ Маньков А. Г. Уложение 1649 года — кодекс феодального права России. Л., 1980.

¹⁶ Маньков А. Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. М.; Л., 1962.

¹⁷ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. В 2-х томах. М., 1957; Записки иностранцев о восстании Степана Разина. (Тексты, пер. и исследование). Под редакцией А. Г. Манькова. Л., 1968; Иностранные известия о восстании Степана Разина. Материалы и исследования. Л., 1975; Разин и разинцы. (Документы, описания современников) / Под ред. В. И. Буганова. М., 1995.

¹⁸ См., напр.: Буганов В. И. Московское восстание 1662 г. М., 1964.

А. И. Копанева, А. Л. Шапиро, В. М. Панеяха, В. И. Буганова, К. Н. Сербиной, З. В. Дмитриевой и многих других.

Актуальной в советское время оказалась и история нерусских народов в составе Московского государства. Эпоха царя Алексея вошла в историю как время грандиозного расширения государства на восток, вплоть до границ Китая. Тема освоения Сибири при первых Романовых в двадцатом веке активно разрабатывалась такими исследователями, как С. В. Бахрушин, А. И. Андреев, А. А. Преображенский.

Раскол русской церкви, которым много занимались и в предшествующий период, также не был обойден вниманием, поскольку стал рассматриваться как «специфическая форма классовой борьбы». Под прикрытием этого слогана ученым удалось за сто лет сильно продвинуть исследование этой темы. Особенno обогатилась наука в результате археографических экспедиций и сбора уникальных старообрядческих рукописей и старопечатных книг. Одной из центральных фигур эпохи стал протопоп Аввакум как собеседник и одновременно антагонист царя Алексея Михайловича. Особенno следует отметить роль в разработке данной проблематики сотрудников Сектора древнерусской литературы и Древлехраннилища Пушкинского дома (Института русской литературы РАН), а также Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Из исследователей темы раннего старообрядчества и собирателей рукописей нельзя пройти мимо многих знаменитых имен, в частности таких, как В. И. Малышев, Н. К. Гудзия, А. Н. Робинсон, А. С. Амосов, Н. В. Понырко, Н. С. Демкова, Н. Ю. Бубнов.

Меньше внимания в двадцатом веке, в отличие от предыдущего столетия, уделялось другой стороне противостояния — официальной церкви, в частности патриарху Никону. Только в последние десятилетия интерес к этой теме оживился, появились специальные работы¹⁹.

В последние же десятилетия началось активное исследование других слоев населения Московского государства при царе Алексее Михайловиче. Последние тридцать лет больше и лучше всего исследуется история служилых людей, тех, кого столетие спустя стали называть дворянами. При этом в дело пошли многочисленные и специфические документы царских приказов, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов.

Еще одна тема изучалась в двадцатом веке с особым энтузиазмом — внешняя политика Алексея Михайловича. Появлялись раз-

¹⁹ Лобачев С. В. Патриарх Никон. СПб., 2003.

делы в коллективных работах по этому периоду²⁰. Одним из главных достижений внешней политики времени царя Алексея Михайловича считалась история «воссоединения Украины с Россией». В основном работа шла как собирание и публикация материалов²¹. Кроме того, сочинялись научно-популярные издания, в том числе детские книжки, которые пропагандировали дружбу украинского и русского народов в связи с решениями Переяславской рады. В последние десятилетия стали появляться более глубокие исследования и, соответственно, научные споры как по отдельным проблемам, так и по оценке этой стороны внешней политики Алексея Михайловича в целом²².

И наконец, за последние сто лет значительно продвинулись исследования русской культуры эпохи Алексея Михайловича. Тут нельзя обойти молчанием исследования Н. К. Гудзия, В. П. Адриановой-Перетц, И. П. Еремина, Д. С. Лихачева, А. М. Панченко, Е. К. Ромодановской, А. С. Демина, Л. А. Черной и многих других специалистов разных направлений.

В период «перестройки», когда стали вновь приветствоваться исследования исторических личностей царей, и в особенности уже в постсоветский период, историки вновь обратились к личности царя Алексея Михайловича. Сейчас можно назвать целый ряд работ на эту тему: А. А. Преображенского, Ю. А. Сорокина, Е. И. Филиной, О. Е. Кошелевой, И. Л. Андреева, А. В. Гусева, Г. В. Талиной²³.

²⁰ См., напр.: *Пичета В.* Внешняя политика России при царе Алексее Михайловиче // Три века. Т. 2. XVII век. Вторая половина. М., 1991. С. 106–139; *Санин Г.А.* Внешняя политика России во второй половине XVII // История внешней политики России. Конец XV–XVII в. М., 1999. С. 277–322.

²¹ Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. (К 300-летию 1654–1954). В 3-х т. М., 1954; Воссоединение Украины с Россией. Сборник статей. М., 1954.

²² См., напр.: *Флоря Б.Н.* Русское государство и его западные соседи. М., 2010; *Таирова-Яковлева Т.Г.* 1) Проблемы взаимоотношений Украины и России 1654–1667 гг. // Белоруссия и Украина. История и культура. М., 2003; 2) Гетманы Украины: история о славе, трагедиях и мужестве. М.; СПб., 2011; *Алмазов А.С.* 1) Политический портрет украинского гетмана Ивана Самойловича в контексте русско-украинских отношений (1672–1687 гг.). Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 2011; 2) Рецензия на книгу Т. Г. Таировой «Гетманы Украины: история о славе, трагедиях и мужестве» // Меншиковские чтения 2011. С. 147–157; *Бабулин И.В.* Битва под Конотопом 28 июня 1659 года. М., 2009; *Карпов Г.Ф.* В защиту Богдана Хмельницкого. М., 2012.

²³ *Сорокин Ю.А.* Алексей Михайлович // Вопросы истории. 1992. № 4/5. С. 73–89; *Кошелева О.Е.* 1) Лето 1645 года: Смена лиц на российском престоле // Казус 1999: Индивидуальное и уникальное в истории / Под ред.

Интерес у исследователей вызывали не только человеческие качества царя и его качества правителя, но и его личная жизнь, отношение с близкими и своим окружением, его увлечения и таланты. Отдельно стали изучать письменное наследие Алексея Михайловича²⁴.

В целом сейчас оценки сместились по сравнению с девятнадцатым веком. Прежде делали акцент больше на кротость и доброту царя, играя с его прозвищем «Тишайший» (что было на самом деле лишь переводом части почетного титулования, идущего из латинской традиции — *clementissimus* — и подчеркивающего благоденствие (тишину) в стране в правление данного государя). Получалось, что

Ю. Л. Бессмертного и М. А. Бойцова. М., 1999. С. 148–170; 2) Детство и воспитание Алексея Михайловича // Свободное воспитание. М., 1993. Вып. 3; Рогожин Н.М. Артамон Сергеевич Матвеев // «Око всей великой России»: Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков / Под ред. Е. В. Чистяковой; Сост. Н. М. Рогожин. М., 1989. С. 146–179; Преображенский А.А. Алексей Михайлович // Демидова Н. Ф., Морозова Л. Е., Преображенский А. А. Первые Романовы на Российском престоле. М., 1996. С. 84–168; Филина Е.И. 1) Царь Алексей Михайлович и политическая борьба при московском дворе (1645–1652) // Российская монархия: вопросы истории и теории. Межвузовский сборник статей, посв. 450-летию учреждения царства в России (1647–1997 гг.). Воронеж, 1998. С. 97–113; 2) «В поисках альтернативы...»: «Придворные партии» в политической борьбе в России 30–50-х гг. XVII в. М., 2011; Андреев И. 1) Нетихий Тишайший // Родина. 1998. № 9 С. 39–43; 2) Алексей Михайлович. М., 2006; Талина Г.В. 1) Царь Алексей Михайлович: личность, мыслитель, государственный деятель. М., 1996. С. 7–24, 83–128; 2) Всех Великия и Малыя и Белыя России самодержавие. Очерки абсолютизирующейся монархии III четверти XVII века. М., 2005. С. 98–115, 295–365; Гусев А.В. 1) Человек в истории: царь Алексей Михайлович // Преподавание истории в школе. 2003. № 5. С. 30–36; 2) Личность и мировоззрение царя Алексея Михайловича в отечественной историографии XIX–XX вв. Автореферат дис. ... канд. историч. наук. М., 2005; 3) Царь Алексей Михайлович и иностранная культура // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 3. М., 2006. С. 232–248; Светлова Е.А. Двор Алексея Михайловича в контексте абсолютизации царской власти. М., 2013.

²⁴ Полознев Д.Ф. Письма русских архиереев царю Алексею Михайловичу 1662 г. (к истории внутрицерковной борьбы в связи с «делом Никона») // Проблемы истории и культуры. Ростов/на Дону, 1993. С. 61–80; Протопопов В.В. Четырехголосная хоровая композиция царя Алексея Михайловича // Памятники культуры. Новые открытия. 1991. М., 1997. С. 107–110; Душечкина Е.В. 1) Статейный список 1652 года как литературный памятник // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 369. Труды по славянской филологии. XXVI. Литературоведение. Тарту, 1975. С. 3–18; 2) Царь Алексей Михайлович как писатель (Постановка проблемы) // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 184–188; Кротов М.Г. Послание царя Алексея Михайловича о смерти патриарха Иосифа // Герменевтика древнерусской литературы. XVI — начало XVIII веков. М., 1989. Сб. 2. С. 149–178.

при «тишайшем» царе наступил «бунташный век». Сегодня, как представляется, царь Алексей Михайлович исследователями рассматривается как более активная, чем это виделось ранее, фигура, игравшая важную роль в процессах трансформации русской средневековой культуры в ее переходный период и даже выступавшая одним из первых людей русского «раннего нового времени». И поскольку источников по эпохе царя Алексея Михайловича сохранилось относительно много, то на сегодняшний день главная надежда у нас, читателей — на тех, кто вводит в научный оборот и публикует ранее неизвестные архивные материалы²⁵. Именно они могут дать новый импульс и к оценке эпохи, — а ведь правитель государства не может оцениваться вне результатов своего правления, — и к пониманию личности царя Алексея Михайловича.

При воспроизведении текстов все примечания авторов сохранены и даны постстранично под «звездочками». Знак сноски под номером указывает на комментарий составителя антологии к данному месту (см. с. 716–783).

В нашей антологии мы смогли воспроизвести лишь некоторые из перечисленных выше работ, стараясь, чтобы они раскрывали взгляды современников и исследователей на разные стороны жизни второго царя из династии Романовых, его окружение, его противников, его семью и его увлечения.

²⁵ В качестве примера приведем фундаментальное исследование П. В. Седова, посвященное сыну Алексея Михайловича царю Федору Алексеевичу. Эта книга написана на основе многочисленных впервые вводимых в научный оборот или мало исследованных ранее документальных источников. В частности, автором были найдены новые данные об обстоятельствах второго брака царя Алексея Михайловича и последовавших за этим переменах в его окружении. См.: Седов П.В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 111–149.